

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Основан профессором Э. Д. Фроловым**

**Выпуск 21
№ 1–2**

**Санкт-Петербург
2021**

Редакционный совет

Ю. А. Виноградов, А. Б. Егоров, К. Кён (Австралия),
Б. Мейсснер (Германия), С. Ю. Сапрыкин, Й. Уортингтон (Австралия),
К. Хартер-Уибопуу (Германия), Ф. Л. Холт (США),
Ю. Б. Циркин, Н. С. Широкова

Редакционная коллегия

О. Ю. Климов (главный редактор), О. В. Кулишова,
А. Д. Пантелеев (ответственный секретарь), М. М. Холод

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская л., д. 5,
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра истории древней Греции и Рима.
Телефон +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

Advice Board

Alexey B. Egorov (Russia), Kaja Harter-Uibopuu (Germany),
Frank Lee Holt (USA), Clemens Koehn (Australia),
Burkhard Meißner (Germany), Sergey Yu. Saprykin (Russia),
Nadezhda S. Shirokova (Russia), Juliy B. Tsyarkin (Russia),
Ian Worthington (Australia), Yuriy A. Vinogradov (Russia)

Editorial Council

Maxim M. Kholod, Oleg Yu. Klimov (editor-in-chief),
Oksana V. Kulishova, Aleksey D. Panteleev (executive secretary)

Address

199034, Russia, St. Petersburg, Vasilievskiy Ostrov, Mendeleevskaya l., 5,
St. Petersburg State University, Department of Ancient Greek and Roman History
Tel.: +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

1. Статьи

<i>С. М. Жестоканов.</i> Хронология династии сикионских тиранов Орфагоридов	9
<i>С. А. Тахтаджян.</i> Датировка клиники Антифонта	17
<i>Ю. Н. Кузьмин, С. К. Сизов.</i> Массовые пополнения гражданских коллективов в греческих полисах от Фессалии до Пелопоннеса во второй половине III в. до н.э. I. Филипп V и политография в Лариссе	23
<i>И. В. Меркулов.</i> Accensus, θεράτων, comes: к вопросу о социальной мобильности в среде всаднического сословия до начала гракханского движения	47
<i>Ю. С. Веселова.</i> Поселения севера Англии и юга Шотландии: историография, интерпретация и перспективы изучения	61
<i>П. Ю. Фадеева.</i> Рабочие лошадки фронта: алы и когорты в гарнизоне Vallum Hadriani	67
<i>Е. Б. Мирзоев.</i> Битва при Эдессе: значение и последствия крупнейшего поражения Римской империи	86
<i>А. Д. Пантелеев.</i> Римский наместник, местная элита и христиане: «Мученичество Поликарпа»	99
<i>А. В. Каральцев.</i> Женщины в раннехристианской агиографии: к вопросу о методологии исследования	117
<i>А. В. Васильев.</i> К вопросу о примерах «благородной смерти» из ранней римской истории в агиографической традиции	125
<i>И. Е. Суриков.</i> Школы в современном российском антиковедении (размышления ученого)	137
<i>Е. А. Мехмадиев.</i> Галина Евгеньевна Лебедева (10.05.1935–30.10.2021) как исследователь ранневизантийских правовых кодексов: к вопросу о специфике методов	152
<i>Бартольд Георг Нибур.</i> Римская история: Сецессия плебса и народный трибунат (Перевод с немецкого А. А. Павлова)	160

2. Рецензии

<i>А. А. Синицын, И. Е. Суриков.</i> Геродотовские логосы о древних этносах: Новый сборник об этничности и идентичности в античности	182
<i>А. К. Нефёдкин.</i> Первая научная монография по военному делу Ахеменидской империи.	212
<i>О. А. Рыканцова.</i> R. M. Rosen, H. P. Foley (eds.). Aristophanes and Politics: New Studies. Leiden–Boston: Brill, 2020. X, 286 p.	215

3. Хроника научной жизни

<i>Е. С. Данилов.</i> III Всероссийский междисциплинарный научный семинар «Культурные практики Древнего Причерноморья»	227
К юбилею Ларисы Гавриилловны Печатновой	236

К юбилею Сергея Юрьевича Сапрыкина	238
Юбилей коллеги: Виктор Николаевич Парфёнов	240
<i>Ю. А. Виноградов, О. Ю. Климов.</i> Юбилей Игоря Юрьевича Шауба	243
<i>О. Ю. Климов, А. А. Синицын.</i> LXV-летию профессора Владимира Ивановича Кашеева	250
<i>М. М. Холод.</i> К 60-летию российского ученого и педагога Александра Валентиновича Махлаюка	255
К юбилею Андрея Михайловича Сморчкова	257
Памяти Дмитрия Евгеньевича Афиногенова (28.08.1965–28.08.2021).....	259
Памяти Евгения Александровича Молева (18.01.1947–16.08.2021).....	260

Римский наместник, местная элита и христиане: «Мученичество Поликарпа»*

Пантелеев, Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: a.pantelev@spbu.ru.

Цель статьи — анализ взаимоотношений провинциальной элиты и центральной римской власти по материалам «Мученичества Поликарпа» (ВНГ 1556). Епископ Смирны Поликарп был казнен ок. 156 г. Он относился к числу зажиточных людей. Он был достаточно хорошо образован, совершал путешествия, а среди его друзей были члены familia Caesaris. «Мученичество» показывает, что местные магистраты Никет, Герод и Филипп пытались спасти жизнь Поликарпу. Возможно, он был связан с семьей Никета и Герода родственными отношениями. Все это делает возможным считать его частью смирнской элиты; конечно, его положение было маргинальным, но Поликарп был «своим» для местных аристократов. Римский наместник Стаций Квадрат, скорее всего, знал об этой связи, но вынес решение о казни Поликарпа из-за требований толпы зрителей.

Ключевые слова: Римская империя, раннее христианство, преследования, агиография, Смирна, аристократия, Поликарп, социальный статус.

Roman governor, provincial elite, and Christians: the Case of *Martyrium Polycarpi*

Pantelev, Aleksey Dmitrievich — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Institute of History; 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: a.pantelev@spbu.ru.

The purpose of the article is to analyze the relationship between the provincial elite and the Roman governor according to the “Martyrdom of Polycarp” (ВНГ 1556). Polycarp, Bishop of Smyrna, was executed ca. 156. He was one of the well-to-do people, well educated, traveled, and among his friends were members of the familia Caesaris. “Martyrdom” shows that the local magistrates Niket, Herod and Philip tried to save Polycarp’s life. Perhaps he was related to the Nikita and Herod family by kinship.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 21-011-44180 «Политическое измерение раннехристианской агиографической литературы».

All this makes it possible to consider him as part of the Smyrna elite; of course, his position was marginal, but Polycarp was recognized as an equal by the local aristocrats. The Roman governor Statius Quadratus most likely knew about this connection, but he decided to execute Polycarp because of the demands of the crowd of spectators.

Keywords: Roman Empire, early Christianity, persecution, hagiography, Smyrna, aristocracy, Polycarp, social status.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21–011–44180.

Раннехристианские агиографические сочинения — мученичества, акты и страсти — долгое время считались источником прежде всего по истории гонений. Постепенно ученые осознали их важность для понимания реальной процедуры римского суда и событий вокруг него. Эти тексты сообщают нам о розыске и аресте христиан, об условиях их содержания в тюрьме, об их отношениях с другими заключенными, наконец, об организации казни¹. Но потенциал этих сочинений не ограничивается сферой юриспруденции и рассказом о положении дел с реальным правоприменением. В этой статье мы постараемся показать, что мученичества можно использовать для анализа взаимоотношений между римскими наместниками, представителями местной провинциальной элиты и христианами.

Некоторые современные ученые рассматривают христианство в первые века как своего рода движение «сопротивления» Риму, конечно, не настолько радикальное, как иудейские zeloty или сикарии, а противостоящее ему по преимуществу в культурно-религиозном плане, как греческие ритори-софисты, противопоставлявшие греческую культурную традицию римской, александрийские киники, критиковавшие императоров и их наместников, или иудейские интеллектуалы II–III вв., ожидавшие скорого конца римской власти². В какой степени эта оценка верна, тема для отдельного исследования, но мотивы сопротивления и противостояния властям, безусловно, являются ключевыми для ранней агиографии, так как христиане, как минимум, отказывались выполнить требование наместника — полноправного представителя римской власти — принести жертвы или поклясться именем императора. Однако число действующих лиц этих сочинений не ограничивается мучеником и судьей: в них появляются представители провинциальной элиты, местные магистраты, проводившие предварительное следствие и готовившие документы для суда наместника, толпа зрителей, состоящая из язычников, иудеев и христиан, наконец, другие христиане, как церковные, так и принадлежащие к другим течениям раннего христианства, например, монتانиты или марки-

---

¹ Potter 1993, 53–88; Panteleev 2013, 53–63; Panteleev 2014a, 75–89.

² Ferguson 1993, 73–83; Shaw 1996, 269–312; Grig 2004.

ониты. Не стоит полагать, что все язычники или даже христиане выступали единым фронтом, поскольку среди них могли возникать споры. Мы встречаемся с этим даже у мучеников, как, например, во время преследования в Лионе, когда один из них вызвал осуждение из-за своего чрезмерного аскетизма (Eus. HE, V, 3, 2–3). При внимательном изучении некоторых наших текстов становятся заметны расхождения во взглядах на происходившее между представителями центральной римской и местной провинциальной элиты. Хотя и те, и другие, казалось бы, были заинтересованы в наказании христиан, цели, которые они преследовали в ходе этих процессов, совпадали далеко не всегда. Представители центральной власти — наместники — часто были никак не связаны с провинцией, которой управляли, в то время, как местные власти, наоборот, принадлежали к городской аристократии, были в курсе местных дел и часто ставили благополучие и порядок в своем городе выше интересов империи. Мы попробуем рассмотреть через эту призму события, о которых рассказывается в «Мученичестве Поликарпа», определить статус мученика и проанализировать произошедшее с точки зрения конфликта интересов наместника и местной знати³. Отдельные замечания, важные для этого сюжета, встречаются в разных работах; мы попытаемся свести их вместе, добавив наши собственные наблюдения и создать цельную картину из этих фрагментов.

«Мученичество Поликарпа» (BHG 1556) — древнейший агиографический текст, сохранившийся до нашего времени. Это рассказ о событиях, произошедших в Смирне во второй половине 150-х гг.⁴ Вокруг времени формирования окончательного варианта этого сочинения ведется много споров⁵; мы полагаем, что его основа была создана в конце 150-х гг., вскоре после казни мученика⁶, а последующие редакторы на его содержание оказали незначительное влияние. «Мученичество» по форме представляет собой послание, отправленное членами Смирнской церкви своим собратям в Филомелии и «всем во всяком месте Святой и Вселенской Церкви общинам» (Mart. Pol., graef.). Мы остановимся на некоторых деталях, способных пролить свет на

---

³ «Мученичество Поликарпа» и другие агиографические тексты цитируются по нашему изданию: Pantelev 2017b.

⁴ О датировке казни Поликарпа см.: Pantelev 2017b, 55–58; обзор новейшей литературы: Vuol 2018, 182–183.

⁵ Аргументы в пользу ранней датировки см в: Barnard 1970, 192–204; Dehandschutter 1979; Buschmann 1994. Более поздним временем «Мученичество» датируют в наши дни: Ronchey 1996, 651–670 (третья четв. III в.); Moss 2010, 539–574 (перв. пол.—сер. III в.); Zwierlein 2014 (III–IV вв.).

⁶ На это указывают слова: «Господь даст нам устроить годовщину этого мученика» (Mart. Pol., 18, 3).

положение Поликарпа в Смирне того времени и на возможный характер его отношений с местной знатью.

Начать стоит с того, что требование предать Поликарпа смерти исходило не от представителей местной элиты или наместника, а от толпы зрителей — язычников и иудеев, — собравшихся на игры на смирнском стадионе, да и у нее оно появилось не сразу. «Мученичество» начинается с описания мужества и стойкости христиан (Mart. Pol., 2, 2–4), ничего не сообщая о причинах и начале преследований. Д. Поттер предполагает, что никакого целенаправленного гонения в Смирне, в отличие от Лиона, не было, а арест христиан и последующие события были спровоцированы фригийцем Квинтом, который «принудил себя и других придти (сдаться. — *А. П.*) добровольно», но после, увидев зверей, струсил и совершил жертвоприношение (Mart. Pol., 4)⁷; долгое время историками этот Квинт почти единогласно считался монтанистом, но в последнее время стало ясно, что стремление к добровольному мученичеству во II в. было распространено среди всех христианских течений⁸. Поликарп не входил в число тех, кто был уже схвачен, осужден и брошен на арену; наоборот, его казнь стала окончанием преследований, «запечатав» их (Mart. Pol., 1)⁹. Причиной для гнева зрителей на Поликарпа послужила гибель юноши Германика: «Ведь благороднейший Германик, славно сразившийся со зверьми, укрепил их (единоверцев. — *А. П.*) своей стойкостью. Когда проконсул хотел убедить его и сказал, чтобы он пожалел свою юность, он на себя натравил зверя, желая скорее уйти от их несправедливой и незаконной жизни. После этого вся толпа, изумленная благородством любезного Богу и богобоязненного рода христиан, закричала: “Хватай безбожников! Найди Поликарпа!”» (Mart. Pol., 3). Этот Германик, судя по всему, был известной в городе фигурой, его уговаривал принести жертву лично проконсул и о нем сказано «благороднейший» (γενναϊότατος), но не стоит видеть в нем представителя местной знати, так как автор «Мученичества» использует γενναϊός для обозначения благородства души христиан, а не их происхождения (Mart. Pol., 2, 1; 2, 2; 3, 2)¹⁰. К этому времени Поликарп, скорее всего, уже покинул город (Mart. Pol., 5–6): ему дали это сделать, ведь суд над ним не входил в первоначальные планы властей¹¹.

Поликарп скрывался в сельском доме неподалеку от города (ἀγρίδιον), а затем переехал в двухэтажный дом в другом местечке (Mart. Pol., 5, 1; 6, 1), и если бы не допрос рабов под пыткой, возможно, ему удалось бы вовсе

⁷ Potter 1996, 156.

⁸ Panteleev 2014b, 156–175.

⁹ Подробнее о «запечатывании» см.: Vuol 2018, 193–199.

¹⁰ Hartog 2013, 280–281.

¹¹ Potter 1996, 156.

ускользнуть от преследователей (Mart. Pol., 6, 1–2)¹². В «Мученичестве» не сказано, кому принадлежали эти дома и рабы, но Б. Джексон замечает, что предположение о том, что все они были собственностью самого Поликарпа, кажется «естественным выводом»¹³. В пользу этого говорит то, что он с легкостью приказал подать солдатам, которые пришли его арестовать, «есть и пить, сколько они пожелают» (Mart. Pol., 7, 2). Важно отметить как возможность Поликарпа распоряжаться в этом доме, так и сам факт наличия там продуктов в необходимом количестве. Если смирский епископ в самом деле был владельцем всего упомянутого имущества, то он вел «вполне комфортный образ жизни»¹⁴, и это свидетельствует о том, что он не был выходцем из низов, а мог принадлежать к верхушке местного общества¹⁵. В пользу того, что Поликарп был обеспеченным человеком, говорит еще несколько соображений. Во-первых, в «Мученичестве» при описании его подготовки к казни рассказывается, как он снял с себя одежду и «попытался развязать обувь сам, а раньше он этого не делал», так как ему всегда помогали другие верующие (Mart. Pol., 13, 2). Скорее, это были все-таки рабы, а не единоверцы¹⁶. Во-вторых, Поликарп незадолго до смерти предпринял путешествие в Рим, где общался с папой Аникетом (Iren. Adv. haer., III, 3, 4; Eus. HE, IV, 14; V, 24, 16–17). Эта поездка потребовала определенных расходов, которые едва ли были покрыты церковной кассой Смирны. Наконец, Ириней во фрагменте письма, сохраненного Евсевием, сообщает еще об одном богатом и влиятельном человеке в окружении Поликарпа — Флорине, скорее всего, вольноотпущеннике, входившем в *familia Caesaris* и «блиставшем при дворе» (Eus. HE, V, 20, 5). Такого рода знакомства безусловно укрепляли положение Поликарпа в Смирне.

Розыском и арестом Поликарпа руководил иринарх Герод (Mart. Pol., 6, 2)¹⁷. Эта должность считалась престижной, на нее назначались самые бога-

¹² Евсевий от себя подчеркивает, что его разыскивали со всем усердием (σὺν πάσῃ σπουδῇ. — Eus. HE, IV, 15, 11), в тексте «Мученичества» этих слов нет. В любом случае, власти не уклонялись от его розыска, В. Энгберг замечает, что они выслеживали его более рьяно, чем это предписывал рескрипт Траяна (Engberg 2011, 112). Допрос рабов под пыткой был обычной процедурой во время империи, а не показателем особого рвения разыскивающих (Brunt 1980, 256–265).

¹³ Jackson 1898, 54; Lightfoot 1889, 371; Aubert 2010, 303.

¹⁴ Stainforth, Louth 1987, 133; Beatrice 1990, 182–183.

¹⁵ Thompson 2002, 38; Lieu 1996, 88.

¹⁶ Климент Александрийский в «Педагоге» рекомендовал своим молодым богатым читателям иногда делать что-нибудь самостоятельно, например, снимать с себя обувь или вымыть ноги (Clem. Alex. Paed., III, 10).

¹⁷ Иринарх — начальник полиции, уполномоченный проводить арест и допрос преступников до их передачи городским властям; его власть распространялась не только на город, но и на сельскую округу (Dmitriev 2005, 206–209). Что касается име-

тые и знатные люди города, но была финансово обременительной и требовала много усилий; когда знаменитый ритор Элий Аристид оказался назначен иринархом мисийских Адриан, он сделал все возможное, чтобы избавиться от этого поста (Arist. Hier. Log., 4, 72). После того, как Герод узнал об аресте епископа, он выехал со своим отцом Никетом навстречу ему (Mart. Pol., 8, 2), и это был не самый очевидный напарник для встречи и конвоирования преступника. Т. Рэндэл предположил, что этот Никет идентичен с одноименным софистом Никетом¹⁸, у которого учился Плиний Младший (Ер., VI, 6) и о котором сообщают Тацит (Dial., 15) и Флавий Филострат (VS, I, 19, 511–513)¹⁹, но это крайне маловероятно — деятельность последнего приходится на рубеж I–II вв., вряд ли он дожил бы до 150-х гг. Имя Никета встречается еще в одном месте «Мученичества», где о нем говорится как об «отце Герода, брате Алки» (Mart. Pol., 17, 2). Если это та самая Алка, что упомянута Игнатием в конце Послания Поликарпу (Ἐσπάζομαι Ἄλκην, τὸ ποθητόν μοι ὄνομα. — 8, 3) и в Послании смирнянам (13, 2), то Поликарп был связан с одной из самых знатных и знаменитых семей Смирны; в пользу этого может свидетельствовать редкость этого имени²⁰. К. Тревет говорит о возможности того, что Поликарп был женат на этой Алке, впрочем, оговариваясь, что другие называют мужем Алки Дафна, упомянутого тем же Игнатием (Ign. Smugn., 13, 2); ни то, ни другое утверждение ничем доказать нельзя²¹. Даже если это было и не так, безусловный интерес представляет ее замечание о том, что «Алка была частью дискурса власти в «Мученичестве Поликарпа» — ее «могущественная» семья была маргинализирована из-за триумфа христианских страдальцев»²². Это позволяет понять большую личную заинтересованность Герода и Никета в том, чтобы уговорить Поликарпа отречься от Христа, для чего они пересадили его в свою колесницу, а не преуспев, расвирипели настолько, что выкинули его на ходу (Mart. Pol., 8, 2–3).

На стадионе проконсул Стаций Квадрат²³ попытался добиться от Поликарпа отступничества, взывая к его возрасту и призывая раскаяться (Mart.

ни, то различные исследователи по-разному оценивают надежность этого свидетельства: одни считают «Герода» («Ирода») позднейшей вставкой для создания еще одной параллели со Страстями Господними, другие видят в нем реального персонажа. Подробнее см.: Hartog 2013, 288–289.

¹⁸ Никет Смирнский по прозвищу Жрец — смирнский ритор, с деятельности которого, по словам Филострата, началось возрождение софистики; при Веспасиане занимал в Риме кафедру греческой риторики.

¹⁹ Randell 1885, 197.

²⁰ Schoedel 1985, 253; Lieu 1996, 67, 88.

²¹ Trevett 2006, 223, 226; Hartog 2013, 293.

²² Trevett 2006, 225.

²³ Подробнее о нем см.: Barnes 1967, 434–437.

Pol., 9). Обращение к возрасту и другие подобные аргументы при уговорах христиан не были редкостью (Mart. Lugd., 1, 53; Pass. Perp., 5, 2; 6, 3; Tert. Ad Scap., 4 et al.), они могли соседствовать с угрозами, например, зверьями (Mart. Pol., 11, 1), гладиаторами (Mart. Pionii, 18) или обещанием отдать в публичный дом (Mart. Pionii, 7; Eus. HE, VI, 4, 2; Mart. Agar., 5, 8 — 6, 1). На Поликарпа, однако, ничего не подействовало, и он объявил себя христианином (Χριστιανός εἶμι. — 10, 1), при этом заявив: «Если ты желаешь узнать христианское учение, укажи день и услышишь». Это δὸς ἡμέραν соответствует латинскому *dicere diem* — дню, назначенному для суда, к которому обвиняемый имел возможность подготовиться. Поликарп, таким образом, потребовал провести нормальный судебный процесс — с обвинителем, не на стадионе, а в обычном помещении в отсутствие толпы²⁴. Он знал, что имеет право на это, но явно не рассчитывал на удовлетворение своего требования; мы не думаем, что это была попытка выиграть время.

Поликарп при диалоге с наместником ведет себя как человек, который не только знает свои права, но и умеет их отстаивать, он обладает познаниями не только в праве, но и в риторике. Как показали М. ден Дулк и Э. Лэнгфорд, при анализе этот текст необходимо учитывать контекст Второй софистики, так как Смирна была одним из крупнейших центров этого движения, и действия всех героев «Мученичества» связаны с софистической традицией²⁵. Они сравнивают рассказ о смерти Поликарпа с тем, что Флавий Филострат рассказывает о знаменитом смирнском ораторе Полеоне, современнике Поликарпа и учителе Герода Аттика, и о других знаменитых ораторах того времени. Конечно, в не меньшей, а то и в большей степени это говорит об уровне культуры и образования автора «Мученичества», но часть наблюдений относится и к самому мученику: как уже было сказано, мы придерживаемся мнения о раннем времени составления текста, и какие-то детали поведения Поликарпа и его внешнего облика могли быть сохранены по горячим следам.

Важно описание мимики и жестов Поликарпа. Во время суда он помрачнел, проклиная безбожников (Mart. Pol., 9, 2), а при защите своей веры лицо мученика исполнилось благодати (Mart. Pol., 12, 1). Филострат описывает своих героев схожим образом: так демонстрировалось, что ритор контролировал себя и происходившее вокруг. Поликарп погрозил поднятой рукой зрителям, сказав «Смерть безбожникам» (Mart. Pol., 9, 2), и это жест иронической капитуляции перед проконсулом; такие же движения, оказавшись в непростой жизненной ситуации, делают Полеон (Philostr. VS, I, 25, 541) или

²⁴ Стадион был необычным местом для суда: крики толпы оказывали слишком большое влияние на судью (Thompson 2002, 27–52; Potter 1996; Aubert 2010, 303).

²⁵ Den Dulk, Langford 2014, 211–240; Rothschild 2017, 159–173. Подробнее см.: Pan-telev 2020b, 567–586.

Луций (II, 1, 557). Во время этого же эпизода мученик сначала посмотрел на толпу, а затем на небо, что тоже было обычным приемом софистов. Когда проконсул в очередной раз призвал Поликарпа поклясться фортуной Цезаря, епископ заявил, что не сделает это, так как он христианин, и потребовал особый день для выступления (Mart. Pol., 10). Здесь он ведет себя как настоящий софист, договаривающийся о времени выступления, подобным образом Элий Аристид сказал Марку Аврелию: «Сегодня предложи, завтра слушай: мы речи не изыгаем, но тщательно отделяем» (Philostr. VS, II, 9, 583; cf.: I, 25, 537; II, 32, 626). Как и софисты, предпочитающие хорошо образованную аристократическую аудиторию, Поликарп не видел смысла в обращении ко всему народу (Mart. Pol., 10, 2) — в свое время так же поступил уже упоминавшийся Никет, сказавший: «От народного собрания паче хулы страшусь похвал» (VS, I, 19, 511).

Отметим то, как жители Смирны — противники Поликарпа — характеризовали мученика. После оглашения смертного приговора толпа взорвалась криками «Вот он, учитель Азии, он отец христиан!» (Mart. Pol., 12). На важность этих слов обратил внимание Г. Бауэрсок: эти слова, *διδάσκλος* и *πατήρ*, использовались по отношению к великим софистам, например, Герод Аттик называл «учителем и отцом» Фаворина (Philostr. VS, I, 8, 490)²⁶. Восприятие сообщества учителей и учеников как своего рода духовной семьи с «отцами» и «детьми» было характерно для древних философских и риторических школ, и уже на рубеже эр для описания смены их поколений появляется понятие «преемства», *διαδοχή* — термин, который христиане использовали для описания епископского преемства. В других местах «Мученичества Поликарпа» говорится о «соучениках», бесконечно преданных Учителю — Христу (Mart. Pol., 17, 3), и мученика еще раз назовут «славным учителем» (Mart. Pol., 19, 1). Все это в самом деле могло вызывать у образованных зрителей или читателей определенные параллели с софистами; другое дело, что эти параллели не обязательно работали в пользу христиан²⁷.

Наместник счел возможным вступить в диалог с Поликарпом, и здесь имеет значение как его желание добиться отступничества, так и то, что он счел его равным себе. В противном случае вся процедура допроса свелась бы к вопросу: «Ты христианин?», как это случилось с Птолемеем (Iust. Apol. II, 2), кроме того, наместник бы мог быстро одернуть говорливого подсудимого, что мы видим в случае суда над Карпом: «Позволив, чтобы ты нес много вздора, я довел тебя до хулы на богов и императоров» (Mart. Carpi gr., 21) или над скилитанскими мучениками, где Сатурнин произнес: «Я не стану слушать дурное о наших священнодействиях» (Acta Scil., 5). К сожалению,

²⁶ Bowersock 2005, 44.

²⁷ Panteliev 2020.

автор «Мученичества» опустил большую часть речи мученика, ограничившись словами: «Говоря это и многое другое...» (Mart. Pol., 12, 1). Мы не знаем точно, что здесь имело значение — принадлежность Поликарпа к смирской знати, его имущественное положение, образованность или его внешний вид и обстоятельность²⁸ — но Стаций Квадрат определенно не стремился казнить престарелого епископа. Когда исповедание Поликарпом своей веры не оставило ему шанса отпустить подсудимого, наместник произнес: «Убеди народ». Каков был смысл этого обращения? П. Хартог предполагает два варианта объяснения: или наместник делает это подобно Пилату, с искренним желанием освободить заключенного, или в качестве оправдания его казни, заведомо зная, что такое обращение бесполезно²⁹. Поликарп на это ответил: «Я удостоил речи тебя; ведь мы научены отдавать властям и от Бога поставленным начальникам честь, которую им прилична, не вредящую нам. Остальных же я не считаю достойными того, чтобы перед ними оправдываться» (Mart. Pol., 10, 2). Этот ответ снова подчеркивает то, что проконсул и Поликарп — люди одного статуса, и их положение явно отличается от большинства зрителей.

Почему проконсул сначала угрожал Поликарпу, представителю местной знати, сначала зверьями, а потом костром? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно, укажем лишь на несколько факторов, которые могли иметь значение. Прежде всего, Поликарп не обязательно был римским гражданином, имевшим право на почетную смерть от меча — в пользу этого предположения говорит хотя бы то, что он не потребовал суда в Риме³⁰. Затем, проконсул не хотел вызвать гнев толпы, который мог вылиться во что-то большее, ведь его обязанностью было, по Ульпиану, «заботиться о том, чтобы провинция, которой он управляет, была мирной и спокойной» (Dig., 1, 18, 13), и для умиротворения зрителей магистраты иногда шли даже на прямое нарушение императорских распоряжений, как это случилось во время гонений в Лионе, когда римский гражданин Аттал был брошен львам (Eus. HE, V, 1, 47, 50). Наконец, наместник мог ориентироваться на норму, согласно которой «враги (государства. — *А. П.*) и перебежчики к врагу должны быть казнены посредством сжигания живьем» (Dig. 48, 19, 7, 2). Конечно, он отдавал себе отчет в том, что этот способ казни вызовет крайнее недовольство у местной элиты, но для него в этот момент важнее было не допустить волнения возбужденного народа, ведь на стадионе могло присутствовать до 20.000 зрителей³¹. Как

---

²⁸ О важности «правильного» облика подсудимого см. в: Bryen 2014, 243–280.

²⁹ Hartog 2013, 300–301.

³⁰ В этом не было бы ничего зазорного, ведь таким образом он уподобился бы своему старшему современнику Игнатию.

³¹ Thompson 2002, 50.

замечает Д. Поттер, в случае Поликарпа толпа вынудила наместника и местных магистратов сделать то, что изначально не входило в их планы³².

Указать одну причину, по которой толпа жаждала крови престарелого епископа, также сложно. Д. Поттер предполагает, что либо дело было в том, что Поликарп был слишком заметной фигурой, и его казни требовали так же, как язычники в Карфагене требовали смерти Киприана, либо в том, что народ считал, что предводители казенных должны быть наказаны вместе со своими последователями, либо, наконец, в том, что какая-то группа в Смирне решила воспользоваться случаем и свести счеты с христианами³³. После того, как вестник провозгласил, что Поликарп объявил себя христианином, «вся толпа язычников и иудеев» взорвалась криками «Вот он, учитель Азии — он отец христиан — он наших богов ниспровергатель — он научивший многих не приносить жертв и не поклоняться» (Mart. Pol., 12, 2). Часто отмечают, что иудеи едва ли могли кричать о «наших богах»³⁴, но в любом случае, отношения между ними и христианами в Смирне были напряженными еще со времен «Откровения» Иоанна; позже эту неприязнь можно увидеть в «Мученичестве Пиония»³⁵. Толпа требовала отдать Поликарпа львам, но азиарх Филипп³⁶, устроитель игр, заявил, что не сможет это сделать, так как травля зверей закончилась, и львов больше нет. По установленному распорядку римских зрелищ, день начинался с травли животных, затем шла казнь приговоренных к смерти, а затем — бои гладиаторов. Так ли было со львами на самом деле, сказать невозможно, но отметим, что этим заявлением Филипп фактически отказался участвовать в казни Поликарпа — санкционирование дальнейших действий зависело только от наместника.

Сразу после казни Поликарпа Никет по подсказке иудеев обратился к «архонту» — это слово впервые появляется в тексте «Мученичества» — «с просьбой не выдавать его тело, “Чтобы, — говорил он, — не оставив распятого, они не начали почитать этого”» (Mart. Pol., 17, 2)³⁷. Этим «архонтом» мог

³² Potter 1996, 155–156.

³³ Potter 1996, 156.

³⁴ Schoedel 1967, 67; Lieu 1998, 285–286.

³⁵ Panteleev 2017b

³⁶ Тот же Филипп, названный архиереем, появляется еще раз в Mart. Pol. 21,3–4. Азиарх — престижная должность председателя азийского провинциального собрания, Страбон пишет о ней: «Некоторые жители постоянно занимают первые по значению должности в провинции и называются азиархами» (Strabo, XIV, 1, 42). На время игр, распорядителем которых он являлся, азиарх был облечен высшей религиозной властью (Kearsley 1986, 183–192; Herz 1992, 93–115; Dmitriev 2005, 110, 196, 282 et al.). О Филиппе подробнее см.: Barnes 1967, 434, 437.

³⁷ П. Хартог в качестве параллели приводит поведение язычников во время Великого гонения в Никомедии: «Императорских придворных юношей по кончине их не

быть как наместник, так и азиарх³⁸, для нас сейчас это не имеет принципиального значения. Это очень странная просьба для язычника во II в.: культ святых только начал формироваться, и Никет демонстрирует неожиданно глубокие познания в вопросах внутренней христианской жизни, что заставляет нас снова задуматься о его связи с Поликарпом. Кроме того, как резонно отметил Д. Дональдсон еще в XIX в.: «Что за забота язычникам, кому поклоняются христиане, если они почитают цезаря наравне со своим богом или богами?»³⁹. П. Хартог предполагает, что местные власти были не заинтересованы в появлении местного мученика, а кроме того, в уста Никета могли быть вложены мысли самих христиан⁴⁰. Мы с этим не согласны: смирнская элита, как только что было сказано, вряд ли догадывалась о существовании «местных святых», во всяком случае, никто из мучеников, о которых шла речь в начале текста, такого беспокойства не вызвал. Строго говоря, в Никете здесь нет нужды: автору намного проще было бы списать это на происки местных иудеев, которых он явно недолюбливал⁴¹, но все-таки здесь появляется именно Никет. Ю. Лью пытается связать Никета с иудеями через его сестру Алку, которая им якобы покровительствовала, но это предположение ни на чем не основывается⁴². Предложим свое объяснение: если Поликарп в самом деле относился к местной знати или даже был родственником Никета, то последний скорее всего предпочел бы похоронить его самостоятельно, а не отдавать христианам. Эта версия объясняет его заинтересованность в судьбе останков смирского епископа; предположить влияние на него иудеев можно лишь при допущении каких-то тесных связей Никета с ними или высокого статуса этих «советчиков». В любом ином случае, зачем это было ему нужно лично, необъяснимо: вряд ли Никет рассердился на то, что Поликарп своим решением и казнью нарушил установившийся городской порядок. Так или иначе, тело не до-

---

предали с подобающей честью земле; мнимые владыки решили, что тела их следует вырыть и бросить в море, чтобы никто не пришел поклониться им, покоящимся в могилах, и дабы не сочли их богами. Таков был ход их мыслей» (Eus. HE, VIII, 6, 7) (Hartog 2013, 319); можно вспомнить и события в Лионе: «Тела мучеников, всячески поруганные в поучение всем, оставались шесть дней под открытым небом, затем беззаконники их сожгли и смели пепел в реку Родан, протекающую поблизости, чтобы ничего от них на земле не оставалось» (Eus. HE, V, 1, 62). В этом случае, однако, язычниками двигали иные соображения — они это сделали, чтобы у мучеников «не было надежды на воскресение».

³⁸ В Московском кодексе 390 (XIII в.) стоит «проконсул» (ἀνθύπατος), у Евсевия и в Codex Kosinitza 28/60 (XII в.) используется термин ἡγεμών (Eus. HE, IV, 15, 41).

³⁹ Donaldson 1874, 208; Hartog 2013, 318–319.

⁴⁰ Hartog 2013, 319.

⁴¹ Lieu 1996, 57–102.

⁴² Lieu 1996, 88–89.

сталося никому: увидев поднявшийся спор, центурион сжег тело Поликарпа (Mart. Pol., 18, 1).

Этим материал «Мученичества» исчерпывается. Нужно сказать, что оно не является единственным источником о Поликарпе. Не так давно Ф. Вейдманном были опубликованы 4 фрагмента папируса III в. на сахидском диалекте коптского языка, относящиеся к неизвестному ранее рассказу о казни Поликарпа⁴³. Для нашей темы они особого интереса не представляют, в отличие от другого, достаточно спорного, текста. Это — «Житие Поликарпа» (ВНГ 1561), написанное неким Пионием то ли в III, то ли в IV в. Оно рисует другую картину жизни мученика: Поликарп родился где-то на востоке, оказался привезен в Смирну, был продан в рабство некоей Каллисте, которая за время воспитания полюбила его как сына, привила ему христианский образ жизни и сделала управляющим своим имуществом. Наставником Поликарпа стал неизвестный по другим источникам смирский епископ Букол, поставивший Поликарпа диаконом и учителем оглашенных, затем пресвитером, а после его смерти сам Поликарп стал епископом; в «Житии» нет ни слова ни о обучении Поликарпа у Иоанна, ни о его мученической смерти. В нем много легендарных элементов, а если и есть исторически достоверные детали, то мы не можем их вычлениить, и они отражают реалии не I–II вв., а относятся ко времени написания этого сочинения⁴⁴. Определенный интерес для нас представляют рассказы о том, как Поликарп исцелил слугу смирского стратега, а затем помог ему справиться с пожаром в городе (Vita Pol., 28–29): это может быть отголоском реальных событий, когда он оказывал какие-то услуги местным властям. Кроме того, Б. Джексон отмечает, что и «Житие» изображает Поликарпа относительно богатым человеком⁴⁵.

Евсевий Кесарийский, цитируя Иринея Лионского, указал, что Поликарп написал послания к «соседним Церквям, чтобы подкрепить их, или какому-нибудь брату, чтобы наставить и уговорить его» (Eus. HE., V, 20, 8). К сожалению, до нашего времени из всех его сочинений целиком сохранилось лишь Послание к Филиппийцам. При всей его важности для истории Церкви II в., оно не дает нам сколько-нибудь значимой информации ни о социальном или экономическом положении его автора, ни о его культурном уровне.

Признавая ограниченность наших данных, тем не менее, рискнем утверждать, что Поликарп Смирнский обладал определенным имуществом — домами в городе и за городом, рабами, финансовыми средствами — которое позволяет отнести его к категории как минимум зажиточных людей. Затем, свя-

⁴³ Weidmann 1999.

⁴⁴ Stewart-Sykes 2000, 21–33; Stewart-Sykes 2002; Hartog 2013, 5–7.

⁴⁵ Jackson 1898, 22.

зи с местной знатью указывают на то, что Поликарп был частью смирнской элиты. Конечно, его статус был маргинальным, но даже та немногая информация, что дает нам «Мученичество», показывает, что Никет, Герод и Филипп считали его «своим» и пытались спасти жизнь Поликарпу. Какую роль здесь играла Алка, о которой упоминают Игнатий и автор «Мученичества», сказать невозможно, но вряд ли ее имя оказалось упомянуто случайно. Поликарп устраивал местную элиту как лидер христиан: он был обеспечен и образован, долго жил в городе, был знаком с местными аристократами, и возможно, имел с ними родственные связи. Наличие такого рода неформальных связей с христианами обеспечивало для отцов города отсутствие проблем с верующими (отказ от демонстративного добровольного исповедания, вроде того, что учинил Квинт, нормальное проведение мероприятий, связанных с императорским культом, порядок во время игр и т.п.). Возможно, местная церковь могла рассматриваться язычниками как некий противовес влиятельной иудейской общине. Взамен христиане получали более-менее спокойное существование и возможность помогать попавшимся единоверцам, а в идеале вовсе не доводить дело до суда, что было в интересах и верующих, и местной элиты. Поликарп был ключевой фигурой для обеспечения такого рода взаимодействия. Занятие епископской кафедры Поликарпом, связанным со смирнской знатью, должно удивлять не больше, чем Перикл в роли лидера афинской демократии или Юлий Цезарь во главе римских популяров.

Римский наместник, безусловно, видел и понимал особое отношение смирнских аристократов к Поликарпу, однако, простого решения для Стация Квадрата в этой ситуации не существовало. С одной стороны, он был полноправным представителем императора в провинции, а отказ от почитания цезаря и признание в принадлежности к христианам заслуживало несомненного наказания. С другой, Смирна не доставляла ему особых хлопот⁴⁶, и хотя сложившаяся в городе система могла вызывать у него вопросы, она несомненно работала, обеспечивая те самые мир и спокойствие, забота о которых была его первоочередным делом. Кроме того, ссора с местными привела бы к трудностям назначения следующих магистратов — иринархов, сборщиков налогов и других — причем не только в Смирне, но и в других городах. Самым неприятным в его положении было отсутствие времени: любое промедление могло привести к народному возмущению, а то и восстанию. В итоге Стаций Квадрат повел себя так же, как Понтий Пилат. Он не смог убедить епископа отступить и предложил решить толпе, что с ним делать, и явно

---

⁴⁶ Каду отмечает, что жизнь в Смирне в те годы была спокойной, и едва ли не единственной проблемой проконсула были рассказы Элия Аристида о своих снах, где он переживал из-за якобы отравленной еды (Cadoux 1938, 271).

настроенный враждебно к Поликарпу народ сделал свой выбор криками о львах, а затем о костре. С точки зрения наместника, эта позиция должна была снять возможные претензии к нему со стороны местной элиты: он сам пытался уговорить мученика принести жертву, причем делал это добросовестно, закрыв глаза на поликарпов фокус со «Смерть безбожникам», но не преуспел, а народные волнения, конечно, стали бы большой проблемой не только для Стация Квадрата, но и для Никета с Геродом. Наконец, то, что толпа потребовала смерти Поликарпа, а не его освобождения, могло значить, что местные лидеры плохо контролировали свой город, не обеспечив нужного исхода (хотя отметим, что если бы толпа захотела бы освободить христианина, это вызвало бы не меньше вопросов)⁴⁷. В любом случае, какие-то претензии к наместнику было высказать вслух в принципе невозможно, но отношение и к Стацию Квадрату лично, и к римской власти в целом, среди смирнской знати после этого случая вряд ли улучшилось.

«Мученичество Поликарпа» — хороший пример того, как в агиографических текстах отражались непростые отношения местной и центральной власти. Там, где локальные элиты были готовы мириться с христианами лидерами и даже включать их в неформальную вертикаль власти, резонно считая, что зло знакомое, договороспособное и «свое» лучше неизвестного, которое придет ему на смену, римские магистраты видели явное нарушение законов, едва ли не свидетельство антиримского заговора⁴⁸. Решения проконсула по делам о христианстве могли быть орудием воздействия на местную власть, он мог казнить одних и отпустить других (*Tert. Ad Scap.*, 4). Иногда на волю выпускались откровенные смутьяны и проходимцы вроде лукиановского Протея или монтажников, и вряд ли это было следствием исключительной мягкости души наместника (оставим в стороне вопрос о коррупции); скорее, за этим стояли какие-то договоренности с местной элитой или, наоборот, желание доставить ей какие-то проблемы. Наконец, христиане могли попросту покупать покровительство местных властей, и разрушение этой коррупционной связки тоже могло восприниматься наместниками как безусловное благо. Ко всем этим вопросам мы надеемся вернуться в наших следующих работах.

Напоследок сделаем еще одно замечание, связанное с «Мученичеством» и Второй софистикой. Возможно, эта близость Поликарпа к смирнской элите стала причиной интереса Лукиана к этому тексту. Как мы показали в дру-

⁴⁷ Д. Поттер в своей статье хорошо показал, как организованные кланы, кричащие определенные лозунги или речевки, могли влиять на настроение толпы или принятие магистратами того или иного решения (Potter 1996)

⁴⁸ Наместник Галерий Максим обвинил Киприана Карфагенского в том, что тот собрал вокруг себя нечестивцев и множество заговорщиков (*nefariae tibi conspirationis homines adgregasti*. — *Acta Cypr.*, 4, 1).

гом месте, можно обоснованно предположить, что сатирик использовал «Мученичество Поликарпа» как модель для уничижительного описания саможжения киника Перегрин-Протея⁴⁹. Лукиан знает о Христе, об иерархии общины, о поддержке христианами арестованных товарищей, наконец, ему известно о христианской литературе, кроме того, он пишет: «уверили себя, что они станут бессмертными и будут всегда жить; вследствие этого христиане презирают смерть, а многие даже ищут ее сами» (Luc. De morte Per., 13). Знакомство с «Мученичеством», скорее всего, произошло во время путешествия Лукиана на Восток в свите Луция Вера; он часто собирал материал по «нетрадиционной» для античного мира религиозности, самые яркие примеры этого — «Александр, или Лжепророк» или «О Сирийской богине», и вряд ли Лукиан смог пройти мимо такого интересного текста, который, с одной стороны, принадлежал учению, увлекшему Перегрин, а с другой, описывал казнь человека, имеющего отношение к верхушке общества Смирны, одной из столиц Второй софистики.

Литература / References

- Aubert, J.-J. 2010: The Setting and Staging of Christian Trials. In: F. de Angelis (ed.). *Spaces of Justice in the Graeco-Roman World*. Leiden, 277–309.
- Barnard, L. W. 1970: In Defence of Pseudo-Pionius' Account of Saint Polycarp's Martyrdom. In: P. Granfield, J. A. Jungmann (eds). *Kyriakon. Festschrift Johannes Quasten*, 1. Münster, 192–204.
- Barnes, T. D. 1967: A Note on Polycarp. *Journal of Theological Studies* 18, 433–437.
- Beatrice, P. F. 1990: Der Presbyter des Irenäus, Polykarp von Smyrna und der Brief an Diognet. In: E. Romero-Pose (ed.). *Pléroma: Salus Carnis*. Santiago de Compostela, 179–202.
- Bowersock, G. W. 2005: *Martyrdom and Rome*. Cambridge.
- Brunt, P. A. 1980: Evidence Given under Torture in the Principate. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte* 97, 256–265.
- Bryen, A. 2014: Martyrdom, rhetoric, and the politics of procedure. *Classical Antiquity* 33, 243–280.
- Buol, J. 2018: *Martyred for the Church. Memorializations of the Effective Deaths of Bishop Martyrs in the Second Century CE*. Tübingen.
- Buschmann, G. 1994: *Martyrium Polycarpi — Eine formkritische Studie. Ein Beitrag zur Frage nach der Entstehung der Gattung Märtyrerakte*. Berlin; New York.
- Cadoux, C. J. 1938: *Ancient Smyrna. A History of the City from the Earliest Times to 324 AD*. Oxford.
- Carter, M. J. 2012: “Persuade the people”: Violence and roman spectacle entertainment in the Greek world. In: S. Ralph (ed.). *The Archaeology of Violence: Interdisciplinary Approaches*. New York, 158–168.
- Dehandschutter, B. 1979: *Martyrium Polycarpi. Een literair-kritische studie*. Leuven.

---

⁴⁹ Pantelev 2017a, 642–652.

- Den Dulk, M.; Langford, A. 2014: Polycarp and Polemo: Christianity at the Center of the Second Sophistic. In: T. R. Blanton, R. M. Calhoun, C. K. Rothschild (eds.). *The History of Religions School Today: Essays on the New Testament and Related Ancient Mediterranean Texts*. Tübingen, 211–240.
- Dmitriev, S. 2005: *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford.
- Donaldson, J. 1874: *The Apostolic Fathers: A Critical Account of their Genuine Writings and their Doctrines*. London.
- Engberg, J. 2011: Martyrdom and Persecution — Pagan Perspectives on the Prosecution and Execution of Christians c. 110–210 AD. In: J. Engberg (ed.). *Contextualising Early Christian Martyrdom*. Frankfurt am Main; New York, 93–117.
- Ferguson, E. 1993: Early Christian Martyrdom and Civil Disobedience. *Journal of Early Christian Studies* 1, 73–83.
- Grig, L. 2002: Torture and truth in late antique martyrology. *Early Medieval Europe* 11, 321–336.
- Grig, L. 2004: *Making Martyrs in Late Antiquity*. London.
- Hartog, P. (ed.) 2013: *Polycarp's Epistle to the Philippians and the Martyrdom of Polycarp*. Oxford.
- Herz, P. 1992: Asiarchen und Archiereiai: Zum Provinzialkult der Provinz Asia. *Tyche* 7, 93–115.
- Jackson, B. 1898: *St. Polycarp, Bishop of Smyrna*. London.
- Kearsley, R. A. 1986: The Archiereiai of Asia and the Relationship of the Asiarch and the Archiereus of Asia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 27, 183–192.
- Lieu, J. M. 1996: *Image and Reality. The Jews in the World of the Christians in the Second Century*. Edinburgh.
- Lieu, J. M. 1998: Accusations of Jewish Persecution in Early Christian Sources, with Particular Reference to Justin Martyr and the Martyrdom of Polycarp. In: G. N. Stanton, G. G. Stroumsa (eds). *Tolerance and Intolerance in Early Judaism and Christianity*. Cambridge, 279–295.
- Lightfoot, J. B. 1889: *The Apostolic fathers: Clement, Ignatius, and Polycarp*. London.
- Moss, C. R. 2010: On the Dating of Polycarp: Rethinking the Place of the Martyrdom of Polycarp in the History of Christianity. *Early Christianity* 1, 539–574.
- Panteleev, A. D. 2013: Martyr and Guards in the Early Christian Hagiography. *Vestnik SPbGU, Seriya 2: Istorija* 3, 53–63.
- Пантелеев, А. Д. 2013: Мученик и стража в раннехристианской агиографии. *Вестник СПбГУ. Серия 2: История* 3, 53–63
- Panteleev, A. D. 2014a: Christian Martyrdom in the Context of Roman Spectacles. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology and Culture]* 2, 75–89.
- Пантелеев, А. Д. 2014а: Христианское мученичество в контексте римских зрелищ. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2, 75–89.
- Panteleev, A. D. 2014b: «Some of the heresies have a great many martyrs»: Martyrdom in the non-orthodox Christianity (2nd–3d centuries). *Religiya. Tserkov. Obschestvo [Religion. Church. Society]* 3, 156–175.
- Пантелеев, А. Д. 2014б: «Есть много мучеников и в других ересях»: мученичество в неортодоксальном христианстве II–III вв. *Религия. Церковь. Общество* 3, 156–175.

- Panteleev, A. D. 2017a: 'Martyrium Polycarpi' and 'De morte Peregrini': once again on old discussion. *Indoevropskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-european Linguistics and Classical Philology] 21, 642–652.
- Пантелеев, А. Д. 2017а: «Мученичество Поликарп» и «О смерти Перегрин» Лукиана: еще раз о старом споре. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, С. 642–652.
- Panteleev, A. D. (ed.) 2017b. *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii issledovaniia* [Early Christian Martyr Acts]. St.-Petersburg.
- Пантелеев, А. Д. (ред.) 2017b: *Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования*. СПб.
- Panteleev, A. D. 2020a: "They Would Never Approach an Assembly of Wise Men": Sophists, Anti-Sophists, and Early Christianity. *Istoriya* 11.6 (92). URL: <https://history.jes.su/s207987840010542-5-1/> DOI: 10.18254/S207987840010542-5.
- Пантелеев А. Д. 2020а: «Они никогда не присоединяются к собранию разумных людей»: софисты, лже-софисты и раннее христианство. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11.6.(92). URL: <https://history.jes.su/s207987840010542-5-1/> DOI: 10.18254/S207987840010542-5.
- Panteleev, A. D. 2020b: What Indeed has Athens to do with Jerusalem? Early Christianity and the Second Sophistic. *Schole* 14(2), 567–586.
- Пантелеев А. Д. 2020b: «Что Афины Иерусалиму?» Раннее христианство и Вторая софистика. *Schole* 14(2), 567–586.
- Potter, D. 1996: Performance, Power and Justice in the High Empire. In: W. J. Slater (ed.). *Roman Theater and Society*. Ann Arbor, 129–159.
- Randell, T. 1885: The Date of S. Polycarp's Martyrdom. In: S. R. Driver (ed.). *Studia Biblica: Essays in Biblical Archaeology and Criticism and Kindred Subjects* 1. Oxford, 175–207.
- Ronchey, S. 1996: Il Martirio di San Policarpo e gli antichi Atti dei martiri da Baronio a oggi: dottrina ufficiale e realta storica. In: *Christian East: Its Institutions and Its Thought*. Rome, 651–670.
- Rothschild, C. K. 2017: *New Essays on the Apostolic Fathers*. Tübingen.
- Schoedel, W. R. 1967: *Polycarp. Martyrdom of Polycarp. Fragments of Papias*. New York.
- Schoedel, W. R. 1985: *Ignatius of Antioch. A Commentary on the Seven Letters of Ignatius*. Philadelphia.
- Shaw, B. D. 1996: Body/Power/Identity: Passions of the Martyrs. *Journal of Early Christian Studies* 4, 269–312.
- Stainforth, M.; Louth, A. (ed.) 1987: *Early Christian Writing*. Harmondsworth.
- Stewart-Sykes, A. 2000: Vita Polycarpi. *Augustinianum* 40, 21–33.
- Stewart-Sykes, A. (ed.) 2002: *The Life of Polycarp. An anonymous vita from third-century Smyrna*. Sydney.
- Thompson, L. L. 2002: The Martyrdom of Polycarp: Death in the Roman Games. *Journal of Religion* 82, 27–52.
- Trevett, C. 2006: *Christian Women and the Time of the Apostolic Fathers (AD c. 80–160): Corinth, Rome and Asia Minor*. Cardiff.

Weidmann, F. W. 1999: *Polycarp and John: The Harris Fragments and Their Challenge to the Literary Tradition*. Notre Dame.

Zwierlein, O. 2014: *Die Urfassungen der Martyria Polycarpi et Pionii und das Corpus Polycarpianum*. Berlin.

